Научная статья
УДК 81'42+82.09
ББК 81.003+83.001
Ш 65

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-3-302-134-140

Метафорическое оснащение концепта «дом» (русская литература первой половины XIX века и Гастон Башляр)

(Рецензирована)

Неля Магомедовна Шишхова
Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия,
sessvetla@mail.ru

Аннотация:
Статья представляет попытку анализа метафор и одновременно теоретического обоснования концепта «дом», достаточно разработанного в русской литературе XIX века и в литературоведении. Именно это имплицитно предполагает тематизацию и проблематизацию «центра концепта», который подвергался глубоким трансформациям. В частности, можно говорить даже об автономном его существовании, о развитии внутри художественных произведений по собственным законам. С точки зрения генезиса образ Дома можно классифицировать, упорядочивать его дискурсы по отдельным авторам, отдельному произведению или ряду произведений одного писателя. Сказанное выше в полной мере отразилось на содержании статьи, охватывающей большой круг текстов русской литературы, кроме того, позволило вписать в контекст анализа исследование французского философа и эстетика Гастона Башляра «Поэтика пространства», активно функционировавшее в литературоведении в последние десятилетия.

Ключевые слова: архетип, аксиология, дом, жилище, концепт, ландшафт, метафора, пространство, поэтика, славянофилы, текст

Для цитирования: Н. М. Шишхова. Метафорическое оснащение концепта «дом» (русская литература первой половины XIX века и Гастон Башляр) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 3 (302). С.134-140. DOI 10.53598/2410-3489-2022-3-302-134-140

Original Research Paper

Metaphorical component elements of the concept "home" (Russian literature of the first half of the 19th century and Gaston Bachelard)

Nelya M. Shishkhova
Adyghe State University, Maykop, Russia,
sessvetla@mail.ru

Abstract:
The article represents an attempt to analyze metaphors and at the same time to justify theoretically the concept of "home", sufficiently developed in Russian

literature of the 19th century and in literary criticism. It is this implicitly suggests the thematization and problematization of the "center of the concept," which has undergone deep transformations. In particular, we can even talk about its autonomous existence, about the development of works of art within it according to its own laws. From the point of view of genesis, the image of the Home can be classified, and its discourses can be ordered according to individual authors, a separate work or a number of works of one writer. The above was fully reflected in the content of the article, covering a large range of texts of Russian literature. In addition, the context of the analysis was complemented by the study of the French philosopher and aesthetics Gaston Bachelard "The Poetics of Space", which has been actively functioning in literary criticism in recent decades.

Keywords: archetype, axiology, home, dwelling, concept, landscape, metaphor, space, poetics, Slavophiles, text

For citation: N. M. Shishkhova. Metaphorical component elements of the concept "home" (Russian literature of the first half of the 19th century and Gaston Bachelard) // Bulletin of Adyghe State University, Series: Philology and Art Criticism, 2022. No.3 (302). P.134-140. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-3-302-134-140

Введение.

Выбор темы статьи стимулирован двумя причинами. С одной стороны, интересующий автора концепт «дом» и формы его метафоризации являются одной из центральных проблем в русской литературе первой половины XIX века. При анализе «Капитанская дочка» А.С. Пушкина часто выпадает из поля литературоведческих интересов. С другой - исследования, ставшие популярными в последние десятилетия, интенсивно занимаются разработкой пространства: философского, географического и даже ландшафтного. Подавляющее большинство из них связывают это с функционированием литературных текстов.

В заключительной части статьи есть ссылка на такого рода исследования, которые открывают новые горизонты для рассмотрения привычного художественного материала. Прояснению и детализации этих горизонтов и посвящена работа. Предельная акцентированность на разработке концепта «дом» в русской литературе, как свидетельствуют новейшие публикации, область пристального внимания во всем мировом художественном пространстве. Дом один из самых архетипических образов, не только разрабатывающийся в русской литературе, но и занимающий часто основополагающее место в мировом художественном пространстве. Это, прежде всего, культурно-идеологический концепт, который имеет решающее значение в прокладывании жизненного пути человеком. Отрыв от него, разрыв на долгие годы сулит испытания и потерю стабильности и опоры, так убедительно выраженные в поэтических строках Константина Аксакова:

...к толпе валов плывет моя ладья
И ждут меня вдали беды и горе [1]

Славянофилы XIX века сумели в своем творчестве представить осмысление сущности Дома как некой охранной грамоты для личности. В исторических трудах К. Аксакова, публицистике Хомякова и в философских трудах Ивана Киреевского продолжалось настойчивое стремление закрепить идеологическое становление концепции Дома в его аксиологическом значении.

И в литературном, и в теоретическом плане славянофилы выстраивали целые синонимические ряды к славянскому слову ***дом***: *кров, жилище, хижина* и т.д. Во всех этих случаях они эксплицитно связывались с мироустройством русского народа. Все эти понятия работали на создание специфических образов

жилища, которые олицетворяют два противоположных уклада русской жизни – «почвенный» и «европейский». Достаточно вспомнить Грачи и Обломовку, с одной стороны, и антитезу домов Петра Адуева и Штольца в романе И. Гончарова «Обыкновенная история» - с другой. Нельзя забывать, что несмотря на общепринятое понимание этих жилищ как хранилищ застоя и неподвижности, они выступают и защитниками от искушений новейшей цивилизации. В период дестабилизации, фатальных перемен (напомним, что роман «Обломов» написан в 1859 году) еще очевиднее становится романтизация и поэтизация родного крова: герои ищут не трансценденции, не преображения, а возвращения к исходному порядку.

Гастон Башляр, французский исследователь психологии художественного творчества, автор двух знаменитых книг «Поэтика пространства» и «Поэтика мечты», в первой посвятил несколько глав особенностям расшифровки интересующего нас концепта «дом» [2]. Известное исследование Г. Башляра позволяет освоить специфическое пространство «дома» в психологическом и феноменологическом контексте. Это значительно актуализирует его книгу для исследования русской литературы XIX века и дискурсов, связанных с освоением данного понятия. Ориентированность на поэтику широкого ряда европейских художественных текстов убеждает в существовании единого творческого поля, в котором функционируют схожие нарративы.

Симптоматично, что славянофилы искали и находили существенные элементы архаической модели жилища даже во враждебном им литературном материале. Противопоставление опасного внешнего мира комфортности домашнего очага, его теплу и уюту коренилось, по их мнению, в аксиологической природе русской литературы. В 1847 году, рецензируя «Петербургский сборник», Константин Аксаков критически отозвался о «Бедных людях» Достоевского. Это был период западных иллюзий Достоевского, его первоначальной близости с Белинским. Было очевидно, что пришел художник, далекий от деревни и патриархального уклада жизни, городской и даже петербургский. Но творческое чутье Аксакова позволило отметить «истинно прекрасные места», написанные с особым художественным мастерством [3]. Естественно, они касались детских воспоминаний Вареньки Доброселовой. Сияющая картина золотой осени расписана в них живописными красками: «Светло, ярко, весело. В печке трещит огонек, подсядем все к самовару, а в окна посматривает продрогшая ночью наша собака», а заканчивается фрагмент соответствующим восклицанием: «Ах какое золотое-золотое было детство мое!...» [4].

Если представить серый и мрачный петербургский контекст современной жизни Вареньки, то эти краски выглядят ослепляюще. Г. Башляр подробно комментирует такую магию родного жилища: «Ибо дом – это наш уголок мира. Как часто говорят, это наш перво-мир. Разве не прекрасен самый скромный дом, увиденный сквозь призму души?» [2: 18]. «Так мы храним в себе мир чертежей нашей жизни», - по меткому замечанию французского ученого» [2].

Враждебность внешнего пространства внутреннему миру дома, постоянно была в поле зрения русской литературы 40-50-х годов XIX века. Не случайно в этот период два слова, *комфорт и фешенебельность*, стали часто употребляемыми и служили предметом споров. Уместно вспомнить петербургский дом Петра Адуева, столичное жилище западнического образца, и провинциальный ландшафт, в который вписаны Грачи – родовой дом Александра в романе «Обыкновенная история» Гончарова. Первые впечатления племянника от Петербурга связаны

именно с большими строениями, выглядящими как вражеское войско. Еще в «Письмах русского путешественника» Карамзина было выражено восхищение благоустроенным европейским жилищам. Это было естественно для России, которая со времен реформ Петра I подвергалась коренному переустройству. Петербург как средоточие перемен давал простор и для сравнения, и для сопоставления его с Европой.

Практически во всех произведениях славянофилов не придавалось концептуального значения протяженности жизненного пути и хронологическим границам отрыва героя от привычной среды обитания. Родное жилище только закреплялось в сознании героев как греза, мечта, противоположная враждебной реальности. Так, в повести Толстого «Набег» есть обширный фрагмент беседы капитана Хлопова и автора, посвященный его родному дому, образу матери. 18 лет капитан служит на Кавказе, редко пишет матери, но кровная связь с ней не обрывается. Получив подарок матери, образок божией матери, он трепетно завернул его в оберточную бумагу и спрятал. И мать, в свою очередь, уверена, что сберегла от смерти сына, любовью и памятью. В русской литературе образ Дома всегда становился сакральным: свечи, молитвы, разнообразные памятные детали. Но прежде всего их скрепляли воспоминания о матери. Материнская сущность родного гнезда – ядро, на котором держатся связи, гарантия их незабываемости.

В последние десятилетия в теоретическом мире русского литературоведения сложилось достаточно убедительное обоснование философии «ухода» и «возвращения героя» и ее топоанализ. При этом укрепилось утверждение, что маркеры и «ухода», и «возвращения» поддаются классификации и расшифровке. Так, например, поэт Д. Самойлов, опираясь на творчество Толстого, пишет о том, что «возвращение» часто связано в его творчестве со стремлением снова оказаться в гармоническом отеческом доме (или в мире патриархальной утопии). По его мнению, это характерно для многих героев писателя, начиная от «Казаков» до «Живого трупа» и «Хаджи-Мурата». Один из персонажей «Хаджи-Мурата», простой солдат Авдеев, в пекле войны и смертельной опасности тоскует по дому, жалеет о своем «добровольном уходе» из родного гнезда и тоскует не по сытой жизни и покою, а чувствам, которые составляли суть семейного бытия. Может быть он никогда не покинул бы родной дом, но, по его словам, – «Матушка просить стала», – объясняет свой «уход» солдат.

Хотя именно славянофилы заложили фундамент формирования устойчивой концепции Дома в первой половине XIX века, дальнейшее ее развитие связано со значительным рядом имен в русской литературе. Все больше метафорическая локализация смещалась в сторону частного благоустройства от религиозной константы, к которой она в основном сводилась в 40-е годы XIX века. К. Аксаков, например, описывает в своем творчестве разбросанные в оренбургских и башкирских степях семейные гнезда, и для него это спасительные убежища, пристанища для всех нуждающихся. Читавший «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова-внука» может легко убедиться в этом. Атмосфера тепла, уюта и защищенности в описанных усадьбах не только не противоречила романтическому противостоянию сингулярных точек зрения, но подчеркивала правомерность антитезы «патриархального» и «цивилизованного» жилища. Еще раньше, в творчестве Пушкина, закладывался фундамент такой антитезы («Дубровский», «Капитанская дочка»).

Теоретические наблюдения Г. Башляра в «Поэтике пространства» читаются как комментарии к «Капитанской дочке» А.С. Пушкина:

«Лютая зима, буря, ураган и ветер придают особую ценность любому живому, любому обжитому пространству» [2].

Удивительную по живописности картину рисует А. Пушкин, описывая самое начало зарождающейся бури: от невинного белого облачка на краю неба через мрак, вихрь, вой ветра до беспросветной мглы. В мир повседневной жизни вторгается что-то жуткое, опасное – совершенно не домашнее, пугающее одиночеством на неограниченном пространстве. Пушкинский сюжет о Петре Гриневе, направляющемся на место назначения, на службу, трансформируется в историю потерявшихся путников. Им, заплутавшим в пути, был необходим «вожатый», и он возник из бурана и снежной мглы, а еще из сновидения героя. Конечно, в сноведческих мечтаниях Гринева возникает родной кров и с матушкой, и со страхом перед батюшкой, волю которого надо исполнять свято. Немного позднее славянофилы сформировали целое учение о семье как основе общественного быта. В частности, К. Аксаков подчеркивал, что семейная община «не кровные (физиологические), а нравственные узы – искреннее желание свободно и любовно исполнять волю отца» [5: 91]. Страшный мужик во сне Гринева хочет занять место отца: «Не бойся, подойди под мое благословение...» [6: 251].

Постоялый двор, куда привел пушкинских героев «вожатый», некая проекция домашнего очага, недаром хозяин их встречает привычными хлопотами для обжитого дома: огонь, чай, тепло. Г. Башляр в формировании поэтики Дома придает одно из центральных мест чувству защищенности в семейном гнезде от агрессии внешнего мира, которое является одной из базовых ценностей для человека. По мысли Башляра, непогода обостряет грезу человека о домашнем очаге: «Благодаря зиме дом обретает резервы и нюансы уюта. В мире, лежащем за стенами дома, снег заметает следы, засыпает дороги, глушит звуки, маскирует краски. Мы ощущаем в этой универсальной белизне действие космического отрицания. Домашний мечтатель знает, чувствует все это, и ослабление бытия внешнего мира позволяет ему с большей интенсивностью переживать все ценности бытия сокровенного» [2: 32].

Мы читаем текст Пушкина как «семейное предание», ожившее в памяти героя, поучительное для «внука» и других молодых людей. Можно сказать, что это ожившее предание» - окончательное «возвращение» героя в исходную пространственную оппозицию, которая всегда жила в нем. Именно из этого исходит Башляр, рассматривая Дом не столько как память о первоначальном жилище, сколько дорогу, путь «возвращения» к нему. Речь безусловно идет о «прирученных» и «насиженных» пространствах.

В повествовании Пушкина прямо говорится о том, что Гринев местом своей службы с самого начала считал край «глухой и отдаленный». Вместо надежд на «свободу», веселую петербургскую службу он отправляется в чуждые места, полные не только холода, снега, ветров и бури, но и людей доселе ему совершенно неведомых.

Все пространства, через которые пролегал затем его жизненный путь таили агрессию и были вызывающе контрастные по сравнению с привычной обстановкой и «насиженным» местом. При этом не имеет принципиального значения, насколько эта «насиженность» связана с комфортом, ибо это место защищенности, жизни с батюшкой и матушкой, запахом варенья и сытости, словом, территория, традиционно типологизировавшая в русской литературе. По словам В. Щукина: «Таков, например, хорошо исследованный мир дворянской усадьбы, состоявший из ландшафтно-мифологических примет» [7]. Напомним, что речь идет о середине 30-х годов XIX века, когда

активно формировалась садово-парковая географическая культура, ландшафты, связанные с ней, осваивались в художественных текстах, можно сказать, становились сами их героями [8]. Так, например, Марья Ивановна в «Капитанской дочке» в ожидании аудиенции с Екатериной II оказывается в Царском селе. Сад, в котором героиня поджидала императрицу, увиден читателем ее глазами: «Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сверкало неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно всплывали из-под кустов, осеняющих берег» [9: 331].

Любопытно, что Башляр практически выстраивает аналогичную русской концепции синонимическую цепочку, связанную с понятием «жилище» и «гнездо», в частности; «Дому-гнезду не свойственна молодость. Выражаясь наукообразно, - можно назвать его естественным вместилищем функции обитания. В такой дом возвращаются, в него мечтают вернуться так же, как птица возвращается в гнездо, ягненок – в овчарню. Знаком возвращения отмечены бесконечные грезы, ибо у людей возвращения совершаются в большом ритме человеческой жизни, в ритме, который пронизывает годы, преодолевает все разлуки благодаря мечте. В сближении образов гнезда и дома проявляется глубинная составляющая верности» [2: 5]. Уместно вспомнить, как Базаров в романе И. Тургенева «Отцы и дети», прощаясь с Аркадием, указывает на птичье гнездо не только в качестве его удела, но и как его желанное «возвращение» в Дом, осуществление глубинной мечты. Г. Башляр – представитель неоромантических традиций, и человеческие грезы, по его мнению, сопровождают его на всем протяжении его пути.

В связи с этим вновь обратимся к «Капитанской дочке» Пушкина, где действие разворачивается в оренбургских степях, перед героем расстилаются киргизские просторы вместо заволжских провинций, привычных для дворянских усадеб. Новый ландшафт требовал выносливости, готовности к суровым природным и культурным испытаниям. Путь дворянского «недоросля» Петра Гринева, еще в самом начале, пересекается с драматическим событием, Пугачевым и крестьянским бунтом и пролегал через чужой ему ландшафт, связанный с дополнительными преодолениями, своеобразный географический архетип. Герой не только попадает в абсолютно чуждый ему внешний мир, но меняет еще в корне всё своё ближнее окружение: казаки, башкиры, беглые крестьяне. Ему приходится заново обживаться в незнакомых условиях, суровых и трудных, где все требует усилий, где мирское пространство и люди организованы по принципам, противоположным родному гнезду. Здесь надо выживать и менять себя, расширять свой социальный опыт, приспосабливаться к другому предметно-географическому феномену. По поводу испытаний, подстерегающих человека в таком положении, делает очень тонкое замечание Гастон Башляр: «Крыша с первого взгляда обнаруживает свое предназначение – служить человеку укрытием от дождя и солнца. Географы подчеркивают, что в каждой стране форма крыши – один из знаков, позволяющих всего вернее судить о климате. Наклон крыш подлежит «истолкованию» [2: 24].

В новом мире, в котором оказался Гринев, все подлежит новому «истолкованию». Исследование Башляра «Поэтика пространства» помогает освоить пространство дома в его философском и географическом понятии, что, как правило, выпадает в литературоведческих исследованиях. Он становится «психологом», дома, по его собственному термину» [2: 44]. В последние десятилетия исследования географического пространства привлекают все больше и философов, и литературоведов. В

активном обороте находится книга В.А. Подороги «Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии» (1995), исследующая значимость конкретных географических образов, которые становятся «контекстом» формирования «внутреннего» мира личности.

Примечания:

1. Поэты кружка Н.В. Станкевича. Москва; Ленинград: Сов. писатель, 1964. 617 с.
2. Башляр Г. Избранное: поэтика пространства: пер. с фр. Москва: РОССПЭН, 2004. 376 с.
3. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. Москва: Современник, 1981. 383 с.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Ленинград, 1972.
5. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 1. Москва, 1961. 709 с.
6. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Москва: Гослитиздат, 1975.
7. Щукин В. Мир дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Краков, 1997.
8. Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Москва: Согласие, 1998. 469 с.
9. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Москва: Гослитиздат, 1975. 663 с.

References:

1. Poets of the circle of N.V. Stankevich. M.-L., 1964. P. 295
2. Bashlyar G. Selected works: Poetics of space / transl. from French. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 376 pp. (Series of «The Book of Light»).
3. Aksakov K.S., Aksakov I.S. Literary criticism. M., 1981. P. 196.
4. Dostoevsky F.M. Complete collection of works. 30 volumes. L., 1972. P. 8.
5. Aksakov K.S. Complete collection of works. M., 1961. Vol. 1. P. 91.
6. Pushkin A.S. Complete collection of works in 10 vols. M., 1975. P. 251.
7. Shchukin Vasily. The world of the nobility. Geocultural research in Russian classical literature. Krakow, 1997.
8. Likhachev D.S. Poetry of Gardens. On the semantics of landscape gardening styles. Garden as a text. SPb., 1991. P. 203.
9. Pushkin A.S. Collection of works in 10 vols. M., 1975. Vol. 5. P. 331.

Статья поступила в редакцию 11.08.2022; одобрена после рецензирования 27.08.2022; принята к публикации 19.09.2022.

The paper was submitted 11.08.2022; approved after reviewing 27.08.2022; accepted for publication 19.09.2022.

© Н. М. Шишхова, 2022